

Эпидемия чумы XVIII века и развитие здравоохранения в Москве

Палеев Ф.Н. • Оноприенко Г.А. • Молочков А.В.

Среди множества народных бедствий, которые пережила Москва за свою историю, наиболее губительные последствия принесла эпидемия чумы 1770–1772 гг. В Европе ее называли «черной смертью», в России – «моровой язвой».

В те времена лечить чуму еще не умели. Не знали ни причины болезни, ни путей ее распространения. Появившись в каком-либо городе, чума опустошала его почти целиком. По воспоминаниям современников, «мор распространялся, как пламя, гонимое ветром». В Европе господствовала так называемая миазматическая теория чумы, в соответствии с которой было принято считать, что болезнетворные «миазмы» от больных распространяются по воздуху, создавая «моровое поветрие». Для очищения воздуха от заразы предлагалось вырубать все деревья в городе и сотрясать воздух выстрелами из пушек и звоном колоколов.

В Россию чума была занесена из Турции в 1769 г. во время очередной русско-турецкой войны. Зародившись в Молдавии, эпидемия быстро распространилась по Украине и затем проникла в центр России. Екатерина II знала о стремительном приближении эпидемии к столице и постоянно направляла московскому генерал-губернатору Петру Семеновичу Салтыкову соответствующие предписания о необходимости принятия предупредительных мер. Некомпетентность и преступная халатность медицинских чиновников оставили Москву беззащитной перед вскоре охватившим ее грозным заболеванием.

Первые случаи чумы были зарегистрированы в ноябре 1770 г. в жилом доме Московского генерального госпиталя, где старшим доктором состоял Афанасий Филимонович Шафонский, обладатель диплома доктора медицины Страсбургского университета. Незадолго до этих событий, в начале русско-турецкой войны (1768–1774), он некоторое время служил в должности генерального штаб-доктора действующей армии и успел ознакомиться с симптомами моровой язвы.

Палеев Филипп Николаевич – д-р мед. наук, профессор, директор¹
✉ 129110, г. Москва, ул. Щепкина, 61/2, Российская Федерация. Тел.: +7 (495) 681 55 85. E-mail: filipp.paleev@monikiweb.ru

Оноприенко Геннадий Алексеевич – чл.-кор. РАН, д-р мед. наук, профессор, профессор кафедры травматологии и ортопедии факультета усовершенствования врачей¹

Молочков Антон Владимирович – д-р мед. наук, профессор, заместитель директора по науке, образованию и международным связям¹

А.Ф. Шафонский быстро и точно распознал заболевание у госпитальных работников и доложил об этом Андрею Андреевичу Риндеру, руководителю всей медицинской службы столицы. Крайне высокомерный и самонадеянный, А.А. Риндер после двукратного осмотра решил, что у больных просто горячка, не обратив внимания на наличие бубонов в паху и черных пятен на теле. Стоит признать, что большинство иноземных медиков во время эпидемии показали себя не с лучшей стороны – и как специалисты, и как администраторы. Они сторонились чумных больных, избегая контакта с ними. Среди московских медиков немецкие специалисты составляли на тот момент подавляющее большинство: из 14 докторов русских было пять, среди 9 штаб-лекарей лишь один русский, из 23 лекарей – также один. Прожив десятилетия в России, они не умели и не хотели говорить по-русски, рассматривая свою службу исключительно с позиций личного обогащения.

Между тем заболеваемость и смертность в госпитале быстро прогрессировали. В течение месяца заболели 27 человек, из них умерли 22. Лишь после официального обращения А.Ф. Шафонского с письменным рапортом непосредственно к губернатору госпиталь оцепили сильным военным караулом. Дом, где жили больные сотрудники, был сожжен. Считая болезнь «прилипчивой и заразной», А.Ф. Шафонский организовал отдельное содержание больных и умирающих, «сомнительных» людей отделил от остальных. В феврале 1771 г. эпидемия в госпитале прекратилась.

Однако через месяц, в марте 1771 г., полиции стало известно, что на Замоскворецкой суконной фабрике, где работали более 2500 человек, неожиданно стали умирать люди. Хоронили их скрытно – по ночам. По распоряжению обер-полицеймейстера генерал-поручика Петра Дмитриевича Еропкина (медицина в то время подчинялась полицейскому ведомству) на фабрику был направлен Касьян Осипович Ягельский – доктор медицины, преподаватель медицинской школы Московского

¹ ГБУЗ МО «Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского»; 129110, г. Москва, ул. Щепкина, 61/2, Российская Федерация

генерального госпиталя. Он выявил 16 больных с признаками моровой язвы, а кроме того, выяснил, что на фабрике с января по март уже умерли 130 рабочих с подобными признаками заболевания. К.О. Ягельский полагал, что моровая язва была «доставлена» с тюками шерсти, поступившими на фабрику из Турции.

Все эти факты подтвердил и А.Ф. Шафонский. Однако А.А. Риндер, а также главный доктор Павловской больницы Иоганн-Христиан Кулеман не согласились с этим заявлением, о чем письменно уведомили медицинское руководство Петербурга. Екатерина II приняла сторону А.А. Риндера и И.-Х. Кулемана. Тем не менее по распоряжению генерал-губернатора П.С. Салтыкова фабрика была закрыта, больные и умирающие отправлены в Николо-Угрешский монастырь. Многие рабочие разбежались, разнося по городу и пригородным деревням страх и чумную заразу. Время для проведения противоэпидемических мероприятий было безвозвратно упущено, и эпидемия стала приобретать небывалые масштабы. Теперь больные и умирающие люди выявлялись уже по всей территории Москвы. Нередко погибали целые семьи, а их дома грабили и сжигали. Жители города пытались скрывать заболевших родственников, а затем и сами погибали.

П.Д. Еропкин организовал полицейские обходы домов с целью выявления и регистрации боль-

Русский врач
Д.С. Самойлович
(1742–1805)

ных и умерших. Создавались группы полицейских для вывоза и захоронения умерших за пределами города. Однако число погибших продолжало стремительно увеличиваться: в апреле было зарегистрировано 778 смертей, в мае – 878, в июне – 1099.

13 июня проездом в пункт своего нового назначения – Оренбургский гарнизон – в Москву приехал друг К.О. Ягельского лекарь Даниил Самойлович Самойлович (Сушковский). До этого Самойлович три года служил полковым лекарем в действующей армии, где получил большой опыт работы с больными моровой язвой. Убедившись, что в сложившейся крайне тяжелой ситуации его помощь необходима, Д.С. Самойлович получил разрешение губернатора не ехать в Оренбург и охотно включился в работу по борьбе с эпидемией в Москве.

Несмотря на молодой возраст – лекарь было всего 27 лет – Д.С. Самойлович проявил исключительные способности клинициста-исследователя. Он сделал несколько важных наблюдений: не все люди заражаются моровой язвой; заболевание может иметь различные клинические проявления; лица, перенесшие моровую язву, повторно не заражаются. Д.С. Самойлович доказал, что это заболевание передается при контакте с больным или его одеждой. Он полагал, что по воздуху зараза не распространяется, вследствие чего был приверженцем так называемой контактной теории

Вклад отечественных медицинских специалистов в изучение проблемы чумы

Д.С. Самойлович отмечал, что еще в период работы полковым лекарем в действующей армии он называл эту болезнь «своим личным врагом на всю свою жизнь». Вместе с А.Ф. Шафонским он изобрел специальный защитный костюм для работы в очаге эпидемии – аналог современного «противочумного». Вместе с К.О. Ягельским разрабатывал средство по обеззараживанию одежды, утвари, помещений. В итоге был подобран рецепт «окуривательного порошка», содержащего 6–8 ингредиентов, включая серу, сулему и другие вещества. Данное средство размещали по углам помещения на тлеющих углях (жаровне). Одежду больных и умерших развешивали в комнате на веревках, как в быту при высушивании мокрого белья, на 5–6 суток. При этом выделялся густой ядовитый газ, уничтожающий «заразу». В качестве доказательства

эффективности данного способа обеззараживания Д.С. Самойлович надевал на себя «прокуренную» одежду умерших и несколько суток находился в зараженном помещении. Аналогичные опыты проводились и на добровольцах – заключенных из тюрем. В результате не было отмечено ни одного случая заражения «моровой язвой».

Д.С. Самойлович пришел к другому важному заключению: чуму вызывает «живое язвенное начало», которое погибает в ядовитой среде. Он пытался его обнаружить при микроскопическом изучении содержимого бубона, взятого у больного «язвой», о чем позднее сообщил в научной работе «Краткое описание микроскопических исследований о существе яда язвенного» (1792). К сожалению, технические возможности того времени были недостаточными.

Понадобилось более 100 лет для того, чтобы обнаружить возбудителя заболевания – чумную палочку (*Yersinia pestis*), которую одновременно в 1894 г. открыли француз Александр Йерсен и японец Китасато Сибасабуро.

Длительное и систематическое наблюдение за многочисленными больными позволило Д.С. Самойловичу выделить чуму в четкую самостоятельную нозологическую форму болезни, описать разнообразную клиническую картину течения заболевания, более точно определить ее инкубационный период. После отъезда в Европу (1775) он издал свой четырехтомный классический труд по чуме. Д.С. Самойлович был избран членом 12 европейских академий, вошел в историю как выдающийся врач и ученый, признанный основоположник отечественной эпидемиологии.

и противником миазматической. Д.С. Самойлович был убежден, что в основе успеха ликвидации эпидемии лежит строгая изоляция от здоровых людей больных и умирающих, а также тех, кто имел какой-либо контакт с заболевшими.

По распоряжению Правительствующего сената при монастырях были организованы временные чумные больницы, где осуществлялся уход за больными, симптоматическое лечение, а также вскрытие бубонов, карбункулов. Жителям рекомендовалось не покидать свои дома, свести к минимуму контакты друг с другом. Все покупки в торговых лавках проводились через решетки, вырезанные в закрытых дверях. Прежде чем передать кому-либо деньги, их погружали в уксус. Предметы, которые не могли быть погружены в жидкость, передавались через пламя огня или дым.

Сначала Д.С. Самойлович работал в Николо-Угрешском монастыре, в котором заразился, но перенес чуму в легкой форме. В конце июля он возглавил чумную больницу Симонова монастыря, где находились около тысячи больных и куда ежедневно привозили до ста новых заболевших и умирающих. В сентябре Самойлович возглавил больницу при Даниловском монастыре. Там размещались около 1600 выздоравливающих больных после вскрытия бубонов и карбункулов. С разрешения губернатора Д.С. Самойлович привлек к работе в качестве санитаров 80 человек, которые уже перенесли это заболевание и не опасались повторного заражения.

На фоне происходящего вся общественная жизнь в городе была парализована. Закрылся императорский Московский университет. Прекратили свою деятельность фабрики, мастерские, лавки, трактиры. Дома умерших непрерывно горели. На кострах сжигали одежду, утварь.

В августе эпидемия настолько усилилась, что нередко скитающиеся люди умирали прямо на улице. От страшной болезни ежедневно погибали 600–900 человек. Отчаяние и ужас жителей были так велики, что на улицу стали выбрасывать не только умерших, но и тяжелых больных. Тела умерших разлагались и распространяли невыносимый смрад. Полиция не успевала убирать тела погибших, поэтому ей в помощь из тюрьмы выпустили часть заключенных. По описанию современника и очевидца этих событий русского ученого и писателя Андрея Тимофеевича Болотова, «осужденные на каторгу в дегтярных робах, рукавицах и колпаках на голове с дырами для глаз и рта развезжали по улицам, врывались в “зачумленные” дома, железными крюками волокли мертвых в ужасные

телеги-фуры, свозили их за город и зарывали в общих могилах без церковных обрядов».

В сентябре эпидемия чумы достигла своего апогея: за месяц погибли 21 401 человек (в августе – 7 268, в октябре – 17 561, в ноябре – 5 835, в декабре – 805). Москву охватила паника. Толпы людей спешно покидали город. Губернатор П.С. Салтыков уехал в свое подмосковное имение Марфино. Вслед за ним город покинуло чиновничество, дворянство.

Доведенные до отчаяния жители Москвы 11 сентября подняли бунт. Толпа хлынула в Кремль, где крушила все, что попадется под руку. Громили дома, избивали полицейских, солдат, врачей (при этом пострадал и А.Ф. Шафонский). Был убит архиепископ Московский Амвросий. Генерал-поручик в отставке П.Д. Еропкин, видя, что город гибнет от безумия, взял на себя полномочия власти и стал наводить порядок. Выкатили пушки, после выстрелов по толпе шрапнелью народ разбежался.

Екатерина II, обеспокоенная не столько затянувшейся эпидемией, сколько вспыхнувшими народными волнениями, направила в Москву своего фаворита генерал-майора графа Григория Григорьевича Орлова, наделив его чрезвычайными полномочиями. Граф прибыл в столицу 26 сентября во главе «летучего отряда». Губернатор П.С. Салтыков указом императрицы был отстранен от должности.

Г.Г. Орлов привлек войска для ликвидации бунта населения и наведения порядка в городе. Больные были обеспечены бесплатным питанием, одеждой и деньгами. Медикам установили двойной оклад с надбавкой. Осиротевших детей собрали в детском приюте на Арбате, нищих и бродяг – в Николо-Угрешском монастыре. Те, кто помогал выявить людей, скрывающих больных чумой, получали награду – 20 рублей (в то время – цена четырех коров). Мародерствующих расстреливали на месте. Перевоз и погребение умерших осуществляли за счет казны на кладбищах, основанных специально для захоронения больных чумой (до эпидемии покойников хоронили на землях церковей и монастырей). Интересно отметить, что большинство современных кладбищ когда-то появились именно как «чумные» (Ваганьковское, Даниловское, Дорогомиловское, Пятницкое, Калитниковское, Преображенское, Семеновское, Введенское, Рогожское).

11 октября вышел запоздалый Указ Екатерины II по учреждению Комиссии для предохранения и врачевания от моровой заразной язвы под председательством генерал-поручика

и сенатора П.Д. Еропкина с включением в ее состав докторов А.Ф. Шафонского, К.О. Ягельского, лекаря Д.С. Самойловича, представителей церкви, московского мещанства. В ведении Комиссии находились все медицинские работники города, аптеки, госпиталь, временные чумные больницы и бараки, противочумные охранительные дома. Комиссия ежедневно осуществляла анализ оперативной информации, принимала необходимые меры по ликвидации эпидемии, устранению неблагоприятных последствий и информировала об этом Правительствующий сенат.

17 ноября Д.С. Самойлович был назначен штаб-лекарем московских департаментов Сената, то есть организатором всех противоэпидемических и лечебных мероприятий в городе. Граф Г.Г. Орлов вернулся в Петербург и доложил императрице о завершении своей миссии. С начала 1772 г. наметился постепенный спад эпидемии, однако случаи заболевания чумой отмечались до 1775 г.

С целью недопущения распространения эпидемии в сторону Петербурга Комиссия приобрела у генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова дом с дворовыми постройками на 3-й Мещанской улице и 10 февраля 1772 г. организовала в нем специальный противочумный охранительный карантин. В «Наставлениях» Комиссии от 16 февраля 1772 г. значилось, что «режим и уход должны быть, как в больнице, и за казенный счет». Контроль работы карантина был возложен на штаб-лекаря Д.С. Самойловича.

В соответствии с «Наставлениями» Комиссии все лица, получившие от П.Д. Еропкина персональное разрешение на выезд в Петербург, обязаны были вместе со своей поклажей или товаром предварительно в течение 15–40 дней безотлучно находиться в карантине под наблюдением или лечением у медиков. «Сумлевающихся» изолировали, выявленных больных направляли в чумные больницы или бараки. Товар и поклажа подвергались дезинфекции путем окуривания ядовитым дымом (в течение 5 суток) и последующего проветривания (несколько дней). Затем составлялась опись товаров, закрепленная печатью, без чего ни одна придорожная застава не пропускала путника дальше.

К концу 1774 г. эпидемия моровой язвы в Москве повсеместно прекратилась. Однако только 6 сентября 1775 г. – когда после завершения русско-турецкой войны наши войска покинули эпидемически опасную территорию – был издан Сенатский указ об отсутствии малейшей опасности повторения эпидемии и ликвидации

Paleev Filipp Nikolaevich – MD, PhD, Professor, Director¹
✉ 61/2 Shchepkina ul., Moscow, 129110, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 681 55 85. E-mail: filipp.paleev@monikiweb.ru

Onoprienko Gennadiy Alekseevich – Corr. member of the Russian Academy of Sciences, MD, PhD, Professor, Traumatology and Orthopedic Surgery Department, Postgraduate Training Faculty¹

Molochkov Anton Vladimirovich – MD, PhD, Professor, Deputy Director on Science, Educational Work and International Communications¹

¹ Moscow Regional Research and Clinical Institute (MONIKI); 61/2 Shchepkina ul., Moscow, 129110, Russian Federation

карантинных застав (но не карантинных дворов). Комиссия для предохранения и врачевания от моровой заразительной язвы, широко используя разработки Д.С. Самойловича и К.О. Ягельского, провела большую работу по обеззараживанию 9 тысяч «зачумленных» домов и дворовых построек. Под руководством А.Ф. Шафонского издана большая (около 700 с.) книга «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве» с приложением, содержащим все указы, инструкции, наставления, применявшиеся во время эпидемии.

В своих письмах Екатерина II с сожалением отмечала большие потери после прошедшей эпидемии. Тогда погибла половина населения Москвы (около 100 тыс. человек). Среди оставшихся в живых царили безработица, нищенство, бродяжничество. В городе резко повысилась общая заболеваемость. Павловская больница на 50 коек, открытая в 1763 г., предназначенная в основном для состоятельных жителей, во время эпидемий не функционировала. Учитывая неспокойную ситуацию в столице, в своем Указе от 12 августа 1775 г. Екатерина II пишет: поскольку «в числе скитающихся по миру и просящих милостыню в здешнем городе есть престарелые и увечные больные, которые своими трудами кормиться не в состоянии, <...> заблагорассудили Мы учредить под ведомством здешней полиции особую больницу и богадельню». 19 июня 1776 г. на 3-й Мещанской улице (ныне ул. Щепкина) на месте противочумного карантина в шести деревянных строениях была торжественно открыта больница на 150 коек, которая с самого начала предназначалась для беднейших слоев населения. В честь своей основательницы больница получила название Екатерининской (ныне МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского). На протяжении 100–150 лет эта больница была ведущим лечебным учреждением Москвы по ликвидации эпидемий многочисленных заболеваний: тифа (сыпной, брюшной, возвратный), холеры, дифтерии, трахомы и других. ☺

Plague epidemics in XVIII century and development of healthcare in Moscow

Paleev F.N. • Onoprienko G.A. • Molochkov A.V.